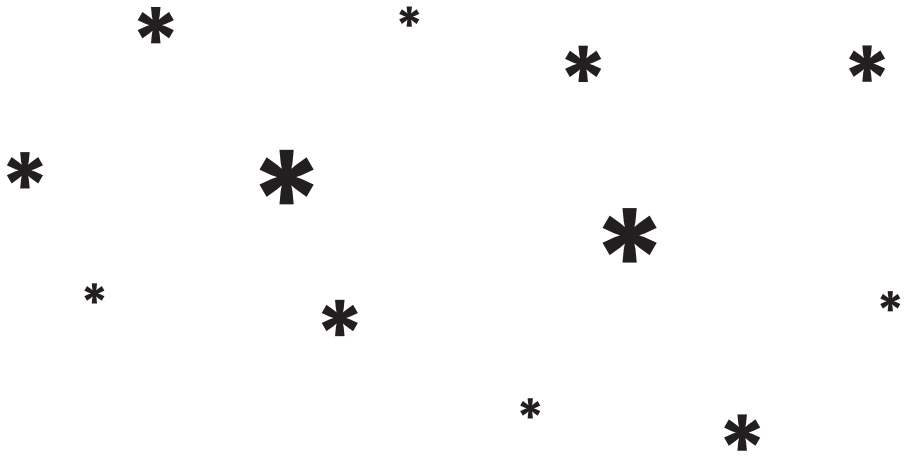

алеко-далеко на Севере, где царит вечная зима и дуют свирепые ветры, на берегу холодного Седого моря жил маленький белый медвежонок Бёрнике. Он был очень добрым и любознательным, всё ему было интересно. Бернике задавал папе-медведю и старому медведедушке Анúку тысячу разных вопросов: почему у полярных медведей шубка белая, а нос — чёрный? А почему у зайцев и песцов летом меняется цвет, а у медведей нет? Почему медведи и плавают хорошо, и по земле могут быстро бегать, а морские животные, вроде моржей и тюленей, на суше такие неповоротливые? И вот ещё: а можно ли медведю дружить с человеком? Ну а если

очень-очень хочется? А почему?.. Много, много вопросов задавал Бернике, и не всегда папа-медведь мог на них ответить. И даже медведедушка Анук, который был самым старшим и самым мудрым в медвежьем роду, порой не знал ответов и говорил только: «Так уж издавна повелось, внучок!»

Долгими полярными ночами Бернике восхищённо разглядывал звёздное небо и танцующее по нему северное сияние. Медвежонок любил смотреть и на свинцовые морские волны, в которых между льдинами то и дело мелькали смешные усатые морды тюленей, а иногда можно было увидеть длинный тонкий рог нарвала или чёрный плавник хищной косатки. Медвежонок Бернике любил строгую красоту Севера. А ещё он любил вкусную рыбу, которую ловил для него папа-медведь.

Но больше всего на свете Бернике любил девочку по имени Нэнни-Лу.

энни-Лу была внучкой шаманки и понимала язык зверей и птиц, а потому совсем не боялась Бернике. Правда, родители девочки с опаской относились к её дружбе с медвежонком. Они постоянно твердили, что люди и медведи — извечные враги. А всё потому, говорили они, что медведь — зверь лютый и кровожадный. И все попытки людей дружить с медведями всегда, испокон веков заканчивались большой бедой. Давным-давно, в те времена, которых не помнят уж и старики, давным-давно, когда люди только пришли в эти северные края, хозяевами тут были белые медведи. И так как они не желали уступать свои земли чужакам,

произошла страшная битва между людьми и медведями. И с тех пор навсегда — слышишь, дочка? навсегда! — мы враги. Так говорил отец Нэнни-Лу. А мать добавляла, что время от времени появлялся в племени людей смельчак, желавший стать другом медведям. Но всегда — слышишь, дочка? всегда! — это оборачивалось большой бедой. И только могущественные шаманы, такие, как бабушка Нáну, не боятся никакого зверя. Даже такого страшного и опасного, как медведь.

И когда маленькая Нэнни-Лу спрашивала бабушку, правда ли это, та хмурила брови и неодобрительно качала головой. Старая шаманка знала о войне северных людей и медведей, об их давней вражде. И о том, что медведи тоже сторонятся человека, не доверяют ему. Но она всегда говорила, что здесь, на холодном Севере, все должны быть заодно — иначе не проживёшь. И потому без страха приглашала в свою ярангу* Бернике, которого знала с самого рождения: из всех

* Ярангой называют традиционное жилище северных народов, которое имеет форму купола. Каркас яранги делали из лёгких деревянных шестов и покрывали оленьими или моржовыми шкурами. *(Здесь и далее — примеч. ред.)*

людей медведи доверяли только старой шаманке, жившей в стороне от стойбища*, и часто обращались к ней за помощью, когда нужно было залечить рану, или вытащить застрявшую рыбу кость, или принять роды у неопытной молодой медведицы.

Однажды, когда Нэнни-Лу была совсем ещё малышкой, мама, как обычно, привела девочку в гости к бабушке Нану. В её яранге всё было как всегда: пучки сушёных трав, какие-то камешки и корешки, огонь в очаге, плоски с целебным тюленьим жиром, резные фигурки из моржового клыка, сушёная ягода, связки перьев, деревянные маски, сделанные из плавника — коряг, принесённых морем из дальних краёв... Словом, всякая всячина, которую так любила разглядывать и перебирать маленькая Нэнни-Лу. Наверное, ещё и поэтому девочке нравилось приходить в гости к старой шаманке: здесь было очень интересно. И конечно же, Нэнни-Лу просто-напросто любила свою бабушку. Та была доброй и заботливой, мудрой и всё понимающей.

* Так у северных народов называлось временное селение или посёлок, в котором они жили.

Но вернёмся в тот день, о котором мы начали рассказывать.

Всё в яранге старой Нану было как всегда — кроме одного: у очага, закутанный в оленье шкуры, лежал кто-то большой. Он шумно сопел и иногда похрипывал. Нэнни-Лу стало любопытно узнать, кто же это ещё пришёл в гости к её бабушке, которая жила совсем одна, далеко от других людей. Мало того, что в гости пришёл, так ещё и спать улёгся! И пока мама, которой нужно было спешить обратно в стойбище, прощалась с бабушкой Нану и просила её приглядеть за Нэнни-Лу, девочка подбежала к этому огромному сопящему свёртку. А подбежав, ахнула: из-под оленьих шкур виднелась чья-то большая покрытая белым мехом голова! И торчал смешной чёрный нос. Вот он-то и сопел, шумно вдыхая и выдыхая тёплый воздух яранги.

— Ага, егоза, быстро ты нашла моего гостя! — улыбнулась бабушка Нану, которая успела уже проводить дочь, и подошла к Нэнни-Лу.

Девочка сидела на полу перед закутанным в меховые одеяла чёрным носом.

— Бабушка! — испуганным шёпотом воскликнула Нэнни-Лу. — Это что, медведь?!

— Да, моя милая, медведь. Вернее, медвежонок. Совсем ещё малыш. Заболел он — слышишь, как хрипит? Вот я его теперь лечу. Будешь мне помогать?

— А можно?.. — глаза у Нэнни-Лу совсем округлились от удивления.

— Можно! — разрешила старая Нану. — Чуть-чуть. Будешь поить его целебным отваром да смазывать мазью носик. А всё остальное уж я сама сделаю.

— Но ведь это же медведь! — воскликнула изумлённая Нэнни-Лу. — А они страшные и опасные! Вдруг он нас съест?!

— Что ты, внучка, — засмеялась бабушка Нану. — Как же он нас съест? Он же совсем маленький и слабенький.

— И ничего он не маленький! — нахмурилась Нэнни-Лу. — Больше меня! И ещё вырастет! И тогда съест нас! Мама с папой всегда говорят, что медведи страшные и опасные, нельзя с ними водиться. Встретился с медведем — жди беды, это все знают!

И вот тогда-то старая Нану сказала внучке, что вражда людей и медведей — давняя ошибка, которая очень её печалит. Медведи большие и сильные, а люди умные и сметливые. И если бы они дружили,

